

гор, которые сберегались для императорской охоты, как священные рощи или Божий рай, не давали рубить деревьев и грозили тяжким наказанием тому, кто осмелился бы на то с целью строить корабли. Кроме того, главный пачальник флота Михаил Стриффи, жепатый на сестре императрицы, имел обычай превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла, и липил греческий флот больших кораблей. Император же не только не наказывал таких бесчестных людей, совершивших гнуснейшие преступления, но даже был к ним благосклоннее, нежели ко всем другим. Сидя спокойно дома, он занимался только тем, что срезывал горы, засыпал долины и выравнивал площади; осмеивал за столом предприятие латинского флота и считал басней те опасности, о которых иные говорили и поставляли на вид. Но когда до него дошли песочные известия о том, что латины, принудив Иадару к сдаче, пристали к Эпидамну, а жители этого города провозгласили императором Алексея (сына Исаака Ангела), тогда и у императора, как у рыбака в половице, «шалка родила ум» (πληυεῖς χοιζετοῦ νοῦν): он приказал поправить 20 судов, спивших и проточенных червями, и, обойдя городские стены, дал повеление срыть близлежащие дома по другую сторону черты. Между тем латинский флот, отплыв из Эпидамна к Корцире, направился отсюда к Константинополю. Западные люди давно уже знали, что Греческая империя есть не что иное, как большая голова с перенос и опьяншая (χρῆμαλην χαίμασιν), а Византия представляет собой Сибарис, прославивший своей роскошью. Совершив удивительно счастливое плавание при тихом и попутном ветре, они подошли к городу, когда никто о том и не знал. Сначала они остановились у Халкедона и оттуда поплыли частью на веслах, а частью на парусах, к лежавшей на востоке Перс (против Византии, с другой стороны Золотого Рога), где, бросив якорь, оставались на кораблях в расстоянии полета стрелы от берега. Легкие же корабли пристали к Скутари. Греки пачали бросать с возвышений берега стрелы, которые, не достигая большей частью кораблей, падали в море. Другой

отряд расположился у Даматрии с целью удерживать конницу; но и это имело не более успеха: не подходя близко к неприятелю, греки обратили тыл, и одни были убиты, другие едва избежали смерти; особенно вожди, как люди более трусливые. И к чему им было бороться с такими людьми, которых они называли ангелами, хищниками и медными статуями? Они умирали от одного их взгляда.

10. Спустя несколько дней латины, видя, что никто не сопротивляется им с сухопутной, подошвились ближе к берегу. Конница отступила далее от моря, а корабли направились в залив. После того одни с суши, другие с моря начали осажать ту башню, к которой была прикреплена тяжеловесная железная цепь, служившая для поднятия в случае направления неприятельского флота. При этом одни из наших после кратковременного сопротивления бежали, другие были убиты или попали в плен; иные по цепи, как по веревке, спустились на наши корабли; многие же, не успев ухватиться за нее, были пизвергнуты в море. Разорвав цепь, неприятельский флот весь двинулся вперед: наши корабли были частью захвачены, а другие, пригнанные к берегу и оставленные своими людьми, были разрушены. Бедствия являлись в столь разнообразных формах, что едва ли чей ум мог бы постигнуть их вполне. Все это происходило в июле, 6711 г. (то есть от сотворения мира; 1203 г. от Р. Х.).

В конце этой главы описаны отдельные стычки в течение первых дней осады; общий приступ латин 17 июля с суши и с моря, когда город был спасен одной храбростью пизанцев и поплатился незначительным пожаром в одной части между Влахерной и монастырем Эвергета; то, как бежал малодушный Алексей в Дебелту на корабле с 10 центенариями золота (10 тысяч золотых) и другими драгоценностями, предоставив семейство и город на произвол неприятеля; глава, тем не менее, заканчивается панегириком Алексея III за добрые качества его души.

Первые три главы следующего, седьмого, отдела в одной книге, посвященного кратковременному правлению Исаака Ангела, излагают, каким образом после бегства Алексея III греки избрали ослепленного им Исаака; как Исаак вступил в переговоры с латинами и как вожди крестоносцев вошли в Византию вместе с его сыном Алек-